

ХЕЛЬ СОРГО

ДНЕВНАЯ ЖЕНА
НЕЗРЯЧЕГО
ДРАКОНА

Хель Сорго

Дневная жена незрячего Дракона

«Литнет»

2025

Сорго Х.

Дневная жена незрячего Дракона / Х. Сорго — «Литнет», 2025

Фармацевт, мать приёмных детей и... случайная жена графа, нужная ему для прикрытия. Теперь никому не узнать, что он опасное существо, но ночью дракон страдает от слепоты и неумолимо угасает. Мне повезло оказаться на его пути, меня не пугает репутация графа и слухи, я лишилась своей приёмной семьи, на руках остались дети, которых нужно прокормить и воспитать. Женщинам в этом мире сложно найти достойную работу, так может знания и моё целительское мастерство пригодиться в особняке графа?

© Сорго Х., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1

– Тётя Кристин, – карие глаза мальчишки смотрели на меня с затаённой надеждой, – а маму мы больше не увидим?

Я держала на руках его пятимесячную сестрёнку, которая пока ещё мирно спала и была похожа на розовощёкую куколку. Мне приходилось прилагать все усилия, чтобы скрывать, в какой нахожусь панике. Ведь даже не знаю, чем буду её кормить...

– Кристин, – мальчик подсел ближе и прислонился ко мне хрупким плечом, хмурясь от сдерживаемого плача.

– Нет, – тихо проронила я, решив не скрывать от него правду, – не увидим, – он и без того всё понял ещё ночью, когда я приехала к ним на таком же уютном, быстром поезде...

Никто не ожидал, что беда постучится в их дом так внезапно. Хотя моя сестра и раньше не отличалась рассудительностью и осторожностью...

Мысли мои прервал подсевший к нам мужчина, тут же перетянув внимание Эрика на себя.

Немудрено – высокий, со сдержанными и выразительными чертами лица, с красивым профилем, с длинными волнистыми волосами, собранными в хвост, попугайчик наш напоминал то ли генерала, то ли сошедшее к нам божество. От него веяло силой, в колких синих глазах будто застыл сам холод зимы.

Уют от дымящегося стакана со сладким чаем, который позвякивал от вздрагивающей в нём ложечки, от мягкой цветастой обивки полок-сидений, от покачивающихся занавесок на большом окне под быстрый перестук колёс и туманно-сизого инея, что заволок лес снаружи, был напрочь перекрыт строгостью незнакомца.

Я невольно нахмурилась, приобняла своего мальчишку и крепче прижала к себе Тосю.

Ехать в никуда с двумя сиротами, без всяких средств к существованию, под пронзительным взглядом мужчины сделалось куда тревожнее. Ещё и чужой билет...

Мне повезло в этот день хоть в одном – кем-то утерянный билет, среди множества листовок, опрокинутых на землю и подхваченных ветром, оказался едва ли не пригвождён к моим сапогам.

Точнее, к утеплённым туфлям...

В той глуши, из которой я приехала в столицу, зимы не начинались так рано и не были столь суровы.

– Итак? – изогнул бровь незнакомец.

Я в свою очередь одарила его в ответ таким же вопросительным взглядом.

Как назло он ещё кое-кого мне напоминал, что тоже не внушало спокойствия. Правда, попугайчик наш выглядел немного иначе, не могла же я обознаться...

А вот он, похоже, мог, ибо требовательно протянул мне руку:

– Я Райдо, граф Райдо, моя госпожа. Если вы до сих пор не поняли.

Я нерешительно вложила в его ладонь свою и он слегка, в противовес своему тону и поведению, нежно и приветственно сжал мои пальцы.

– Эм, – замялась я, отнимая от него руку. – А я Крис...

Он кивнул, не дослушав:

– Крис Керрол, я уже понял. Или имя тоже поддельное, как и ваша история?

– Не совсем понимаю...

– Тётя, кто это? – всё заглядывал мне в лицо Эрик.

– Тётя... – остро улынулся Райдо, – ну хоть не сын. Впрочем, я прощу вам этот обман в любом случае. У меня поджигает время.

И тут я не выдержала:

– Вы вообще нормальный, вы здоровы? Что за бред несё...

И меня снова прервали, открыв передо мной коробочку с обручальным кольцом.

– Надевайте скорее, – нетерпеливо проговорил Райдо, блуждая по мне изучающим взглядом, от которого скулы мои против воли принялись полыхать огнём. – Я вас не для того себе выписал, чтобы мы тратили время. Или переписки нашей вам недостаточно и вы хотели бы узнать что-то ещё? Желаете, чтобы я доплатил вам больше за нашу сделку из-за детей? Я не планировал никого содержать, кроме вас, но, раз уж так вышло...

Я снова хотела сказать, что он с кем-то меня перепутал, но осеклась, открыв и закрыв рот, так и не вымолвив ни слова против. Принимая кольцо.

Однажды меня уже привела судьба в этот, новый для меня мир. И я верила всем сердцем, что на то есть свои причины. И теперь, не просто ведь так у нас с детьми появился шанс не погибнуть от голода? Я должна попытаться разобраться во всём и помочь моим, пусть и не кровным, детям...

Тем временем незнакомец продолжил меня удивлять, вдруг прошептав:

– Чем... Чем от вас пахнет?

И моё сердце ёкнуло, ведь совсем недавно мне уже задавал этот вопрос один мужчина. Но вряд ли это был он. И вряд ли бы меня узнал, ведь встретились мы непроглядной ночью, а сам он к тому же был... слеп.

 Случилось это несколько часов назад, когда я вышла на перрон, ещё не зная, что обнаружу в доме сестры.

Ветер гнал к моим ногам множество разлетевшихся повсюду листовок с призывами о бдительности.

Поезд только уехал, вдали ещё продолжал гулко звучать перестук колёс. Единственный фонарь, между полос путей, через которые мне ещё предстояло пройти, спустившись в переход, потрескивал, и время от времени угасал. Но в его оранжевом тусклом свете мне удалось прочесть одно из предупреждений на красочном узком листке:

«Последний граф из драконьего рода в бегах, напоминаем, что все подобные ему существа признаны монстрами и содействие в их укрытии или какой-либо помощи им карается казнью».

Зябко поведя плечами, сморгнув с ресниц осевшие на них снежные пушистые хлопья, я с брезгливостью выпустила из пальцев листок.

Совсем недавно все обладатели столь сильной магии помогали восстанавливать города после ряда катастроф и войн. А теперь, когда император озаботился об укреплении своего влияния те, кого народ уважал сильнее, чем его, вдруг сделались для всех самой страшной угрозой?

Впрочем, я не сильна ни в политике, ни в понимании магической природы. В этом мире нахожусь всего-то пять лет.

 И до этой ночи у меня не было ни малейшего представления, зачем судьба предоставила мне такое испытание или подарок...

Людей вокруг не было. Тишина укутывала мягким ватным одеялом. И вместе со снегом ветер швырнул мне в лицо очередную листовку:

«Граф Эстерхейз – превосходный лжец. Он смертоносен, особенно для своих избранниц. Настоятельно рекомендуем женщинам не выходить из дома без сопровождения. Нарушение этой рекомендации, замеченное в тёмное время суток, облагается штрафом».

Я вздохнула и смахнула со своего платья-пальто снег. Осмотрелась, переминаясь с ноги на ногу от холода и волнения.

Меня должны были встретить...

Жила я весьма скромно, особенно после кончины своего приёмного отца. Собственно, поэтому и решилась на поездку к сестре, которая звала к себе в столицу, обещая приличную работу и помощь с жильём.

Что ж, придётся добираться до неё самой... Пристроиться бы к какому-нибудь человеку, чтобы со стороны казалось, будто иду не одна, но где найти такого?

Закусив губу, в раздумьях я спустилась по скользким ото льда ступеням в переход, напряжённо вцепляясь в перила одной рукой, а другой едва удерживая массивный коричневый чемодан. Пыльно-розовое пальто с белым подъюбником путалось в ногах, я до сих пор не привыкла к местной моде...

Эхо разносило по подземке мои шаги не хуже, чем звук очередного прибывающего поезда, и во всё это вплетался шелест листовок, нашёптывая имя существа, которым всех запугивали, даже когда драконы ещё не были вне закона.

Как вдруг я споткнулась в темноте и упала прямо... на кого-то.

На кого-то полыхающего от жара, очень высокого и явно сильного, просто скошенного ранением.

А он наверняка был ранен, ведь моя ладонь, которой рефлекторно упёрлась в грудь незнакомца, сделалась липкой и мокрой...

Шумно сглотнув, я поспешила отпрянуть.

Где-то неподалёку раскрылся от удара мой чемодан, и разлетелись вещи. Шелестящий, хриплый мужской стон сопровождал мою попытку подняться и я замерла, так и оставшись стоять на ушибленных о ледяной пол коленках.

После чего и произошёл странный диалог.

– Чем ты пахнешь? – голос незнакомца хрип и слаб, тем не менее, крепкая рука притянула меня за ворот пальто, и я услышала, как у моей шеи с шумом втянули воздух.

После чего пальцы мужчины ослабили хватку. Будто разочаровано или... брезгливо? И мне позволили отпрянуть.

– От девиц так не пахнет, – выдвинул он свой вердикт, истекая кровью и пронзая меня удивительным взглядом... золотых мерцающих глаз. И если судить по незаметному зрачку на них – незрячих.

Я сдержалась, чтобы не проверить, чем пропахла моя одежда после плацкартного вагона, но вовремя остановила себя. Ещё не хватало заботиться о таких вещах, когда только-только здесь произошло нечто страшное. И это нечто, сумевшее свалить даже столь внушительного на вид мужчину, возможно, всё ещё где-то поблизости, а мне ни на помощь не позвать, ни ему самому помочь.

Или всё же...

– Чего застыла, мелочь?

А тон такой делает, будто всё равно ему, что попал в столь плачевное положение.

Спокойный тон обволакивающего, слегка шелестящего голоса...

Я повела плечом и, наконец, сбросив с себя оцепенение, поднялась на ноги.

– Думаю, – ответила коротко и честно.

– О чём здесь можно думать? – незнакомец закашлялся.

Судя по звукам, кровью.

И я невольно приблизилась вновь, кладя ладонь на его плечо.

– Беги, глупая, – прохрипел он вдруг. – Беги отсюда...

Я всхлипнула на эмоциях, но сдержала слёзы.

Раньше мне не доводилось встречать магов. Слышала, именно у них (если не брать в расчёт драконов) мерцают в темноте глаза. Они обычно искусны в бою и почти все находятся на службе у императора.

Но если передо мной маг, почему он слеп, и кто мог так сильно навредить ему?

Сглотнув ком в горле, я настойчиво перехватила его за руку, желая заставить подняться.

– Не волнуйтесь... Я помогу, – принялась убеждать его. Хотя сама пока мало представляла, что буду делать. – Позвать на помощь?

– Нет.

– Вы на службе, какое-то тайное дело?

– Не думаешь, что если так, то не могу ответить? – сквозь боль и слабость остро усмехнулся он.

– Ваши глаза... – я понизила голос. – Не знаю, что случилось и не преследуют ли вас, но даже если простой человек увидит, может решить, будто вы разыскиваемый дракон и вряд ли кто-то будет долго разбираться. Вас ведь убьют.

– Как ты?

– А? – мне удалось заставить его встать на ноги и прислониться к холодной стене, пока сама я наощупь стала забрасывать вещи в чемодан и пыталась отыскать лекарства.

– Ты долго разбираешься, – протянул он.

Так и представляю, что закатил при этом свои золотые, колдовские глаза.

– Потому что я не поддаюсь всеобщей истерии и панике, – ответила невозмутимо.

Ну, как «невозмутимо», голос мой дрожал, будто натянутая до предела струна.

– И не поверю, – продолжила я, – что в сердце столицы встречу вдруг дракона, о котором трубят со всех щелей, хотя его уже как года два никто в глаза не видел! Простите... – отчего-то стало мне неловко за упоминание глаз.

Незнакомец хрипло, но искренне рассмеялся.

– Ничего, – он с болезненным стоном зажал рану на своей груди и чуть сполз по стенке. – Почему ты одна здесь? Даже мне вон пытались навредить, тебя бы и вовсе...

Он замолк, будто перебирая в уме все варианты, что могли со мной сделать, да так и не нашёл, какой из них лучше озвучить.

– Это случайность, – я никак не могла найти свои лекарства. Не ожидала, что понадобится везти с собой фонарь. – Пожалуйста, потерпите немного... Нам надо будет выйти на свет. Я врач. Могу хотя бы остановить вам кровь.

Немного приукрасила – я фармацевт. Впрочем, то и то для женщины в этом мире было несколько необычным и общество реагировало на меня скептически.

– Добрая душа, – выдохнул незнакомец уже без напускной колкости и прикрыл веки. – Ступала бы ты лучше... де-девочка... Я справл...

И он рухнул на пол, отчего-то бесшумно, совершенно ослабнув, попав в полосу тусклого, белого света луны, что по ступеням дотянулся до нас, позволив мне разглядеть удивительно правильные, красивые черты мужчины и его рассыпавшиеся по каменному полу, волны иссиня-чёрных волос.

Глава 2

Таблетки, янтарной россыпью украсившие пол, высочившие из открывшейся баночки, нашлись спустя пару минут. Также под пальцами захрустели бумажные пластинки и пакетики с порошками, и жёлтые страницы пергамента из моего дневника, потерять который и вовсе стало бы для меня трагедией.

Я спешно подняла, что могла, собрала чемодан, часть вещей сунула в карман и, как была на коленках, так и приблизилась к незнакомцу.

Мне нужен был свет, чтобы лучше понять, что с ним и помочь. Но, может, лунной тусклой полосы, рассекающей морозный воздух, будет достаточно?

В прошлом мире я не являлась талантливым врачом, всего-то училась на первом курсе медицинского, но с самого детства испытывала невероятную тягу к знаниям, целительскому мастерству, травам и заговорам.

Так уж вышло, что мама у меня была совершенно непутёвой. Безобидной, правда, и на том спасибо... Отца я в глаза не видела, а вот её ухажёров сколько было, сбилась со счёта и очень быстро перестала воспринимать всерьёз и кого-либо называть «папой».

Вырастила меня её мать, строгая старуха с будто пергаментной, высохшей кожей и острыми-острыми плечами, коленками, длинными узловатыми пальцами. Вся какая-то угловатая, с широкой лукавой улыбкой, она до последнего заставляла меня трепетать перед ней и, запинаясь, обращаться исключительно на «вы». А ещё восхищаться ею...

Ведь к старухе время от времени собирались очереди из нашего посёлка и окрестных маленьких городков. И она принималась деловито перебирать венички и нарубленные засушенные травы, смешивать их, делать отвары, настойки, порошки, заговаривать что-то в маленьких холстяных мешочках.

И продавала всё это задорого...

Я никогда не верила в её дар, но, в отличие от моей матери, плевать мне на дело старухи не было. Меня крепко-накрепко пришил к ней, к моей наставнице, интерес к минералам, различным камням и травам:

Базилик, мята, полынь. Кунцея, дамиана, пассифлора. Шалфей, ромашка, фрагония...

Одни лишь названия звучали волшебным!

Я не верила в магию, и даже в новом мире, где существование её стало очевидным, очаровывала меня всегда техническая сторона мастерства.

К аптечному делу я тоже горела с детства, и виной всему пожилая милая дама в больших на пол лица очках, которая продавала мне по рецепту таблетки для старухи. И всегда угощала гематогеном, от сладости которого сводило скулы. Но это было единственное лакомство, доступное мне. А наблюдение за посетителями аптеки, которые почему-то обращались с дамой так, словно та являлась всезнающим врачом, было вторым после увлечения травами, доступным мне развлечением.

Так, собственно, я и жила, очарованная тем, сколько на свете различных лекарств и сколько ещё можно было бы изготовить. Пока не пришло время уезжать на учёбу.

Я знала, что больше не увижу бабулю...

Так оно и случилось.

А, как выглядит мать, я к тому времени практически забыла. Она уехала к очередной своей любви, когда мне было двенадцать.

Но вот, что странно... Как старухи нашей не стало, интерес мой к тому, чем вообще она занималась и почему, лишь возрос. Ответов, правда, получить я уже не могла, только дневник с пожелтевшими от старости страницами, листы которого были исписаны рецептами от её руки,

достался мне в наследство. И целый пакет лекарств, которые я так и не успела ей довести из города...

С ними, собственно, я и попала сюда. И это сыграло просто невероятную роль в моём здесь обустройстве.

Тихий стон, сорвавшийся с губ незнакомца, когда я попыталась расстегнуть его одежду, чтобы хотя бы наощупь изучить рану, заставил меня вынырнуть из вороха воспоминаний.

Пальцы мои сделались горячими, что явно доставляло ему дискомфорт, но я настойчиво продолжала...

Энергия, что словно перчатки окутала мои ладони, защищала меня и помогала «видеть» проблему. Рана оказалась чёткая и глубокая, явно от колюще-режущего предмета. Ребро с трещиной и чуть смещено. Скорее всего, было задето лёгкое и мужчине стоило бы поменьше кашлять и пытаться что-либо говорить.

Но он, видимо, этого не понимал и всё намеревался что-то до меня донести, пока я дрожащими от холода и волнения пальцами пыталась разорвать один из пакетиков с лекарственной смесью.
Часть белого порошка с вкраплениями местного аналога заговорённой кровохлёбки и дезинфицирующего, перемолотого в пудру минерала, я высыпала прямо на рану, крепко зажав её ладонью. А другую часть нужно было как-то заставить мужчину принять внутрь, при этом не закашлявшись, случайно вдохнув её...

Время поджимало. И я, смирившись, решила на отчаянный для себя шаг. Засыпала порошок сначала себе в рот, а затем наклонилась над незнакомцем и плотно прижалась к его сухим и полыхающим от лихорадки губам. Чтобы убедиться, что он принял необходимое количество лекарства.

Первый поцелуй сберечь до брака мне не удалось...

Я знала, как пользоваться собственной энергией и сплести её с чем-то целебным, передавая другим (только вот связующим элементом для этого у меня являлся свет) и знания эти незнакомец оценил по достоинству...

– Мм, – он распахнул золотые, мерцающие глаза и я ощутила, как губы его растянулись в тонкой хищной улыбке. – Хм.

Руки его внезапно сомкнулись на моей спине, и я затрепыхалась, пытаясь высвободиться.

– Вы что себе позволяете?! – едва не отвесила наглецу пощёчину.

Он же с тихим болезненным вздохом, держась за рану, медленно присел, прислоняясь к холодной стене, и прожёл меня горящим, пусть и незрячим взглядом.

– Это самый... горький и странный поцелуй из всех, – протянул он. – Из многих. Многих поцелуев в моей жизни... Но его я точно запомню.

– Фу, – смогла лишь выдохнуть я, тыльной стороной ладони вытирая губы, пусть лицо и горело от странного, неоправданного, глупого смущения. – Рада, что с вами не было ничего серьезнее. Иначе...

– Поцелуем бы не обошлось? – хищно и смешливо прищурился он.

Я чувствовала, как побледнела от негодования, но смолчала. Меня научили вести себя достойно, и я собиралась сохранять хладнокровие. Насколько могла.

Поэтому невозмутимо поднялась, отряхнулась и подхватила свой чемодан.

– Да, вам бы это не помогло. Помочь встать? Повторюсь – кто-нибудь увидит ваши глаза, примет за преступника. Да и вообще, не оставлять же вас вот так...

Мужчина и правда задумался, но в итоге на ноги поднялся сам, держась за стену и тяжело дыша.

– Если честно, – прошептал он, слепо протягивая ко мне руку и болезненно промахиваясь, из-за чего я сама подхватила его и придержала за локоть, – вынужден просить тебя... Вас, – совсем уж потерянно выдохнул он, прикрывая веки (и этим будто погасив весь свет), – пусть

и не желаю подвергать опасности, но... Милая леди, простите меня. Я просто брежу. Не могли бы вы провести...

– К лечебнице? – подсказала я, видя, с каким трудом ему даются слова.

Но не угадала.

– К чёрному входу почтового отделения.

Не ожидая это услышать, я нахмурилась и едва удержалась на ногах под тяжестью незнакомца и собственного чемодана, в ручку которого вцепилась мёртвой хваткой.

– Л-ладно, – сама не знаю, зачем согласилась, ведь было разумнее просто вывести его наверх, чтобы не замёрз на ледяном полу и всё же позвать на помощь.

Но это, как после выяснилось, сыграло ключевую роль в дальнейшей моей судьбе. Потому что, когда чудом каким-то поднялись мы по ступеням и вышли на пустынную улицу, укрытую снежным одеялом, обнаружилось... нечто.

– Видишь? – прошептал незнакомец, от чего по спине моей пробежали колкие мурашки.

– Вижу... – отозвалась я так тихо, что была не уверена, произнесла ли вообще это вслух.

Интересно только, откуда сам он, будучи незрячим, знал, что впереди главной улицы, на дороге которой мы оказались, до самых небес разгоралось зарево пожара. Далеко, ведь дымом не пахло, а треск пламени не доходил до нас, но тем страшнее представлялись масштабы бедствия, раз виден столп пламени даже здесь так отчётливо и ярко!

Может, поэтому, а не просто из-за позднего часа, улицы настолько пусты? Кто мог, видимо, находился сейчас там, справляясь с бедствием.

– Держитесь, – когда ноги незнакомца подкосились, подобралась я, сама едва не упав.

– Прошу прощения... – растерянно отозвался он.

– Не страшно, – вдруг ощутила я прилив сочувствия к этому странному мужчине.

И потихоньку мы направились по тротуару к почтовому отделению, что представляло собой длинное, изогнутое буквой «Г» синее здание с резными белыми окнами, отражающими в данный момент зарево пожара.

– Вы знаете, что произошло? – всё-таки, отринув страх (ощущение было схоже с тем, когда идёшь в тёмной комнате и думается, что если посмотришь в угол, где мерещится монстр, он окажется настоящим...) решила я на вопрос.

И получила невозмутимый ответ слишком обыденным для данной ситуации тоном:

– Граф Эстерхейз посетил столицу и нанёс удар по резиденции императора, раз уж тот принял новые меры против драконьей магии.

– Да и против магии в целом, – хмыкнула я, вспомнив некоторые слухи о новых нюансах и опасениях, связанных с магическими делами.

И споткнулась на ровном месте:

– Постойте, что? Почему не поднята тревога?

– А думаете, не поднята? Похоже на то?

А и правда, поезд, что прибыл после моего, так и уехал, не высадив пассажиров. Улицы пусты. Окна и двери были заперты. Фонари и те почти все не горят!

Во рту у меня пересохло. От того, чтобы решить, будто невольный попутчик мой и есть сам граф Эстерхейз, останавливала лишь его слепота. Ранение же он, будучи магом или каким-нибудь служащим императора (наверняка в столицу сейчас стянулось много интересных личностей в попытках схватить дракона) мужчина мог получить, пытаясь остановить беду или даже случайно попав под раздачу. Не удивлюсь, если до моего приезда здесь царил паника и давка.

– Не бойтесь, – словно прочитав мои мысли, прошептал он, – всё уже закончилось, просто на улицу выходить не разрешено до утра, вот и не видно никого. А меня ждёт друг...

– Вы не местный?

– Нет.

Ох уж эти его лаконичные ответы!

– Служите императору?

– Можно и так сказать, – нехотя протянул он и когда мы подошли к зданию, отступил от меня, будто почувствовав знакомые стены.

Мужчина опёрся рукой о шершавый угол, наощупь находя перила, и поднялся по ступеням к открытой, будто специально для него, двери.

– Благодарю, – бросил мне через плечо, – дальше я сам.

И, пошатнувшись, переступил порог, оказавшись поглощённый тьмой.

Какое-то время я ещё стояла, глядя ему вслед, а после, уставившись себе под ноги, решительно направилась дальше, не глядя по сторонам, избегая собственного отражения в витринах, тёмных окнах, игнорируя игры света и темноты в подворотнях. Ни к чему запугивать саму себя!

Дом моей сестры находился не так далеко, чтобы прятаться и ждать рассвета, лучше добраться до родных стен, оказаться в кругу семьи и уже там разузнать всё подробнее, отдохнуть, выпитьпряного чаю...

Быть может, сестра испекла моё любимое печенье? Тыквенное с изюмом.

Мысли эти отвлекали. На душе сделалось спокойнее. Да и чего бояться? Столица – воплощение могущества нашего императора и одно из самых спокойных мест в стране!

Пусть и стряслось нечто, уверена, этому быстро положили конец и город понёс минимальные потери.

Скоро зимние праздники. Здесь отмечали что-то вроде Рождества, как в моём старом мире, только опираясь на иные легенды и традиции. День очищения, белого снега, День звезды, так называли праздники в этой стране – в Миланде.

От того и сверкали повсюду золотые и серебряные огни, когда я повернула в жилой уютный, пусть и небогатый район города.

Фонари не горели и здесь, но окна домов, плотно прижатых боками друг к другу, протягиваясь ступенями вдоль узких дорог, сменяясь с крошечных до двухэтажных, горели через один-другой. А на голых ветвях молодых и высоких, обнимающих ветвями крыши деревьев висели лампы, бутылки с зажжёнными фитилями, фосфорные фонари и стеклянные ловцы света, отбрасывающие на искрящийся снег разноцветные блики.

В глуши, из которой я приехала, не украшали так местность, а потому я замедлила шаг, на мгновение забыв обо всём на свете, во все глаза рассматривая праздничные огни и, как маленькая, едва не ловя языком крупные, медленные снежинки, напоминающие больше мягкий лёгкий пух.

И вот жилище моей сестры. Осталось только обойти неработающий в мороз фонтанчик, повернуть на узкую тропу и пройти круглый, выложенный плиткой дворик, ступив за двухэтажное здание, из-за угла которого дом и выглядывал.

Уединённо, уютно, мне всегда нравилось это место. Большой раскидистый дуб создавал своими ветвями что-то вроде арки над полукруглой дверью в стене из красного кирпича.

Считалось, что здесь живут низшие слои населения, сестра всегда сетовала на это, даже будто бы стеснялась своего положения, но, как по мне, иметь дом в таком месте – мечта.

Только вот сердце моё тревожно забилося, когда я поняла, что окна не горят, а снег у крыльца утопан.

Надеюсь, меня всё-таки не выходили встречать и по пути, родню мою не застала беда.

Бросив чемодан у крыльца, не чувствуя натруженную и замёрзшую руку, я вбежала по ступеням и к своему ужасу, толкнув дверь, легко её отворила...

– Сестрёнка, Арин! – позвала я, шаря рукой в поисках выключателя, но света не было. – Дети? Эрик!

В ответ, на кухне под столом, раздался тихий мальчишеский плач.

Глава 3

– Эрик, малыш... – я склонилась, чтобы отбросить скатерть, стянутую почти до самого пола, и взгляделась в темноту.

Мальчик тихонько плакал, прижимая к себе свёрток с сестрой. И даже осознав, что нашла его именно я, не вышел, а лишь сильнее вжался в увитый паутиной угол.

– Малыш, – прошептала я, осторожно и медленно, чтобы не напугать, с замиранием сердца (ведь страшно было самой), залезла к нему и снова прикрыла наше убежище краем скатерти, – ты чего здесь? Арин пошла мне навстречу и не вернулась?

Он отрицательно замотал головой. Я едва могла это разглядеть в темноте, скорее догадалась и, протянув руку, потрепала его по каштановым густым волосам.

Внешне и правда похоже, будто он мой родной племянник. Цветом волос, чертами лица он напоминал меня, даже разрезом глаз, только мои были тёмного шоколадного оттенка, а не карими, напоминающими растрескавшийся прозрачный янтарь.

Но в семью этих людей попала я уже, будучи взрослой, восемнадцатилетней девушкой. И от детей никто не скрывал, что кровными узами мы не связаны.

– Тогда, – проговорила тихо, приобняв мальчика за плечи, – где твоя мама? Что случилось? Дома больше никого?

Арин порой навевала мне мысли о собственной матери своим легкомыслием. И тем, что отца детей никто в глаза не видел, а вот кандидатов на эту роль никогда не скрывали. И всё же в ней было нечто притягательное, присутствовал какой-то задор, благодаря которому она могла подбадривать других в самые тяжёлые времена. Стержень, несмотря ни на что, в ней имелся внутренний стержень и бешеная энергетика, жажда жизни.

Детей одних она бы никогда не бросила. Оставила бы с ними соседку, чтобы самой встретить меня, а скорее всего и вовсе послала бы за мной какого-нибудь своего избранника, а сама ждала дома.

– Никого, – свистящим от сдавленного страхом голосом, ответил Эрик. – Тётя Кристин, маму... – он судорожно вздохнул и передал мне малышку, которая в моих руках тут же заворочалась и сладко, сонно причмокнула губами. – Её схватили.

– Кто?

– Люди из ордена Лаора.

Одна из опаснейших магических групп, уже как год признанная запрещённой.

У императора имелось много недоброжелателей, которых он выставлял опасными и для народа. И в этом случае я была солидарна с ним и всякий раз с облегчением выдыхала, когда в газетах писали об очередной поимке неугодных.

Как и зачем моя сестра могла связаться хоть с кем-нибудь из ордена, ума ни приложу.

Но Эрик ответил, не дожидаясь моего вопроса:

– Последнее, что сказала мама, это что нам хорошо будут платить, и мы заживём, как люди. Тебя ждала, радовалась, что место для работы хорошее тебе нашла в лечебнице. Мол, кто-то из ордена пообещал.

– А потом?

Малыш зябко повёл плечами и юркнул ко мне под бок.

– Они узнали, где мы живём и вдруг пришли. Мама велела бежать и спрятаться, почему-то не хотела, чтобы меня видели. Вытолкала в окно, отдала Тосю. Даже не укутала нас. Я послушался, но когда стемнело, вернулся... Что-то взорвалось вдали. Свет пропал. Мамы не было.

– Понятно, – я поцеловала его в горячую макушку и вылезла из-под стола.

Дом перевернут верх дном. Здесь явно что-то искали.

Не детей ли?

Обратиться к властям я не могла – узнают о связи Арин с тёмным орденом, как бы не пострадали мы все. И тем более она сама, если, конечно, всё ещё жива...

Взаимодействие с ними каралось почти так же серьёзно, как и связь с графом Эстерхейзом. Но мысль, что искать здесь могли детей (уж не знаю, зачем и почему) ввергала меня в отчаянье.

Оставаться дома нельзя.

Я заметалась по комнатам, пытаюсь найти хоть какие-то ответы о происходящем и нужные вещи. Детские документы, например...

И отыскала лишь свидетельство о рождении Эрика, наполовину сожжённое в погасшей печи. Если бы не последний, слабо-мерцающий красный уголёк, то и вовсе бы не обратила на уголок листа с печатью внимания.

Денег в доме тоже не было.

И почти всех игрушек и одежды Эрика... Словно сестра пыталась стереть из этого места его следы.

Как странно...

Я открыла чемодан, достала шерстяную шаль и набросила на малыша. В прихожей на дне шкафа отыскала его старые ботинки. Со столика там же смахнула себе в чемодан портрет Арин – голубоглазой кудрявой блондинки с грубоватыми чертами лица и щербатой улыбкой.

И, крепче прижимая к себе Тосю, глаз не спуская с Эрика, я вышла из дома, в никуда... Стараясь не смотреть на багровые капельки в утоптанном снегу.

Эрик следовал за мной молча и как-то по-взрослому сосредоточенно. И первым догадался, проходя мимо колодца, заглянуть в него, подсвечивая себе маленькой лампой, похожей на керосиновую, которую прихватил из дома.

– Мои вещи, – недоумённо произнёс он, узнав на дне что-то оранжевое. – С чего бы вдруг?

Я непонимающе покачала головой и попросила его отойти от каменного бортика.

– Куда мы идём? – дрожа от холода, обхватив себя руками, спросил он, поминутно оборачиваясь на тающее вдалеке зарево пожара.

– На вокзал. Уедем на первом же поезде, куда глаза глядят, – ответила я, как есть. – А там решим, что дальше, малыш.

 Меня саму трясло то ли от холода, то ли от тревоги. А тем временем вокруг загорались огни и город оживал.

И лампочек на деревьях становилось будто бы больше, а вместе с тем – тепла. И снег падал медленнее, вокруг фонарей притворяясь роем белых пчёл или мотыльков. Ветер колыхал красные и золотые флажки, протянутые то здесь, то там над дорогой. И откуда-то густыми лентами расходился по улице запах свежей выпечки и карамельных груш.

Скоро праздники.

Самые грандиозные и волшебные праздники...

 – От Кристин ничем не пахнет! – воинственно заявил Эрик, возвращая меня в здесь и сейчас.

В моих воспоминаниях он, держа на руках сестрёнку, тихо всхлипывал, вжимаясь в спинку лавочки на вокзале, пока я разглядывала чей-то потерянный билет. А теперь, всего пару часов спустя, пытался заступиться за меня, сидя в трясущемся вагоне.

Граф Райдо, будто собираясь сказать что-то вроде: «вам следует его лучше воспитывать», вместо этого вдруг красиво и бархатно рассмеялся.

– Что, – уже совсем по-доброму спросил он, – и имя было не настоящим? А не скрываетесь ли вы от чего-то, милая госпожа?

Обращались так обычно к жёнам сильнейших мира сего или просто к важным особам, поэтому слова его меня здорово смущали. Или даже слегка раздражали...

Госпожой мне никогда не стать, увы.

Разве что обманом. Но я всё ещё не была уверена в том, как поступить, донести ли до него, что произошла ошибка, но я могла бы, возможно, занять место другой, раз уж ему это зачем-то так нужно? Или не стоит рисковать, не понимая всей сути?

– Что-то не так? – остро, обворожительно изогнул он бровь, подавшись ко мне чуть ближе, явно намекая, что терпение его подходит к концу.

Я и правда слишком долго буравила его задумчивым взглядом. Но на ответ всё же решилась, и голос мой прозвучал твёрдо:

– Граф Райдо...

Он всем видом своим выказывал заинтересованность. Так, что мне показалось, будто граф просто насмеялся надо мной.

Что же, пусть ...

Думал, боюсь, будто разорвёт «нашу» сделку из-за детей? А если бы та несчастная девушка, которую он выписал, действительно дрожала сейчас от страха, и он так же издевался бы над ней?

А ведь подобный каталог существовал, обычно через него несчастные женщины искали мужей, так как по какой-то причине иным образом построить семейную жизнь не смогли. И причины эти обычно были весьма печальными...

Мне не по себе становится даже от мысли, где сейчас та самая Крис Керрол и что делает.

Знала бы, что билет, который подобрала с дороги, принадлежит девушке из каталога, отнесла бы его на кассу! Быть может, он нашёл бы свою истинную хозяйку... А я придумала бы для нас с малышами какой-то иной выход. Как-нибудь уж проникла бы на поезд. Наверное...

– Ну же, – улыбнулся граф, – не хмурьтесь, говорите. Даже несмотря на то, что вы слишком молоды для такого балласта, – окинул он изучающим взглядом Эрика и малышку, – так сразу и не скажешь, что преуспели... Выглядите очень хорошо для матери двух малышей, совсем не подурнели. Устали, разве что, это заметно... Поэтому обещаю, в любом случае вы не столкнётесь с моим гневом, чтобы ни сказали.

– Ещё бы, – хмыкнула я, – ведёте себя, будто это я в плачевном положении. Хотя, прошу меня простить, но сами-то вы тоже себе жену выписали. По какой такой причине, что с вами не так? А она? Что с ней? Какая-нибудь калека, кривая, старая или наоборот слишком юная, из дома родного с позором изгнанная? Что не так было с той бедняжкой, которую вы выбрали? Ах, – что-то меня занесло, но остановиться вовремя я так и не смогла, – стоит добавить, наверное: благородно, великодушно выбрали именно её! И сейчас якобы снисходите до «её детей»... Хотя ясно вам дали понять, что это мои племянники!

Он слегка побледнел, сделался словно каменным, но лица не потерял и остался за завесой невозмутимости.

– Где же тогда их мать?

Я вздрогнула, будто от удара и тут же бросила взгляд на Эрика, чьи большие, тёплые и наивные глаза тут же наполнились слезами.

К моему удивлению, граф на этом перестал казаться таким острым и ледяным. Он не побрезговал даже опуститься перед сиденьем моего мальчишки, чтобы не смотреть на него сверху вниз и произнёс очень искренне и неожиданно мягко:

– Я не хотел, малыш... Язык мой – враг мой. Хочешь, если тётя твоя разрешит, – пронзил он меня мимолётным, пронзительным взглядом и зашуршал чем-то в кармане.

– Шоколад? – заинтересовалась и я, когда граф развернул перед Эриком шелестящую серебряную обёртку, в которой лежало пять небольших, формой похожих на камушки, «конфет».

В ответ Райдо улыбнулся, весьма довольный тем, что произвёл на нас впечатление и позволил Эрику взять угощение, после чего протянул шоколад и мне.

Пару секунд подумав, я всё-таки демонстративно отвернулась к окну, задрав подбородок... Незаметно сглотнув слюнку.

Шоколад в этом мире – величайшая редкость. За все пять лет, что я жила здесь, угощение это в глаза не видела, ни то что пробовала.

А тем временем поезд проезжал мимо украшенных флажками улиц, где домики, уютные и тёплые, сверкали от мишуры и огоньков. И дети, сбившись в пёструю шумную стайку, в смешных красных шапочках носились в снегу и махали, смеясь, уносящемуся от них поезду.

И вид этот вместе с запахом шоколада и всё ещё дымящегося чая в стакане окутал меня щемящим сердце теплом, подарив предвкушение праздника. Пусть даже на одно лишь мгновение...

Хмыкнув, граф вернулся на своё место и тихо вздохнул.

– Правильно я понял, что вы не Крис Керрол?

– Да, – отозвалась я, внутренне холодея.

И в этот момент к нам подошёл проводник – высокий худощавый мужчина в зелёной строгой форме.

И пусть на моём билете значилось имя, никто не станет проверять мои личные документы и сверяться с этим. Точнее, я надеялась на это... За проезд малышки платить не требовалось, а вот Эрика из-за стычки с графом я спрятать не успела, просто не услышав вовремя, что по вагону уже ходят с проверкой.

Ещё и так неудачно совпало всё с моим ответом графу...

Я бросила на него напряжённый взгляд. И он, похоже, догадался, в каком мы положении.

Глава 4

– Ваши билеты? – пока ещё безразлично попросил проводник, шпалой с рыжими усиками и блеклыми серыми глазами, возвышаясь над нами, заставляя Эрика (который наверняка всё уже понял, он был умницей в свои шесть лет) прижаться ко мне бочком.

– Эм, д-да, конечно, – завозилась я, проверяя боковые кармашки в чемодане и своё пальто, успев уже подумать, что удача мне совсем не благоволит и билет я где-то выронила.

Но нет, он нашёлся на столике, придавленный стаканом. И я подала его проводнику, делая совершенно будничное выражение лица.

А он выжидающе на меня уставился...

– Документы, девушка? – подсказал, наконец.

Я закусила губу.

– Раньше не проверяли... – улыбнулась ему невинно. – Просто всё лежит на дне чемодана.

– Раньше в столице не устраивали столь крупных диверсий, – отчеканил дядечка-проводник, – удивлён, как вообще пути не перекрыли на время разбирательств.

– Разбирательств? – встрял граф в разговор.

Он выглядел совершенно спокойным и безразличным к моей ситуации, и я не знала, тревожиться мне или ожидать от него помощи.

Проводник ответил ему куда охотнее, чем мне и дружелюбнее:

– Конечно, господин. Вы бы видели, какое пожарище было в городе!

– Но все ведь знают, что виновен в этом Эстерхейз?

Проводник согласно и учтиво ему кивнул:

– Разумеется.

– Так какие же ведутся разбирательства, этот проклятый дракон улетел и действовал наверняка один. О нём всегда шли разговоры, как об одиночке.

Проводник подступил к нему поближе, явно обрадованный вниманием со стороны такого солидного и наверняка богатого мужчины, как граф Райдо.

– Это, конечно, так, – протянул дядечка, – но улетел ли? Вот, в чём вопрос. Выстрелили-то в него из оружия нового, поговаривают, дракона ранить оно способно. И вроде как ранило!

– Почему ранило, а не убило? – изогнул Райдо бровь.

И проводник пожал плечами:

– Тело ведь нашлось бы, но ничего! А там, рядом ни рек, ни лесной полосы. Значит, ушёл проклятый граф на своих двоих куда-то. Ищут вот его. Можно, к слову, ваш билет тоже?

– К слову... – усмехнулся Райдо и протянул ему «личную карточку» (что-то вроде паспорта, как было в моём прошлом мире) с билетом.

Проводник, проверив всё, усмехнулся тоже:

– Ох, прозвучало так, господин, вижу ведь, что вы не дракон!

– Недостаточно хорош собой? – откинулся граф на спинку сидения.

– Нет, я... Ой, да бросьте меня с толку сбивать, – хохотнул дядечка, однако взгляд его сделался подозрительным. – К тому же, – добавил, будто прогоняя от себя дурные мысли, – дракона ведь ранили...

Граф кивнул, направляя взгляд в окно, явно теряя интерес к беседе и проводник, пропустив горло и поправив на шее тугой шнурок-галстук, вернул своё внимание мне.

– И мальчишки билет, пожалуйста, – добавил он, смерив Эрика взглядом.

Я демонстративно копалась в чемодане, пытаюсь хоть что-то придумать.

В случае неудачи нас не просто высажат (всё равно еду в никуда, было бы не так страшно сойти с поезда раньше), а дадут штраф. И так как платить мне нечем, то принудят отрабатывать. А если нас, точнее, Эрика (вдруг не просто из осторожности его пыталась спрятать Арин) ищет орден, быть надолго привязанной к одному месту, ещё и так близко от столицы, небезопасно.

Граф Райдо тем временем с какой-то странной тоскливой ленцой принялся за мной наблюдать, что заставило нервничать сильнее и сбивало меня с мысли. А дядечка в раздражении переминался с ноги на ногу.

– Скорее, милочка, – поторопил он, – у меня ещё вагон работы стоит!

– Да-да, сейчас...

– А это, что такое? – поднял он выпавшие из чемодана пластинки с лекарством.

– Эм, – замялась я, признаться, не на все препараты у меня имелось разрешение, да и на должности такой, чтобы мне разрешение это кто-то из врачей дал, я не состояла. – Ну...

Граф протянул руку:

– Позвольте?

И проводник передал ему свою находку.

– У него, что, – нахмурилась я, буравя дядечку строгим взглядом, – на лице написано, что он – граф? Или почему вы разбрасываетесь моими вещами, отдавая их первым встречным?!

– Написано, – невозмутимо отозвался Райдо, указав на вышитый значок императорского герба на плече своего кителя.

Я прикусила язык и недовольно замолчала, сложив на груди руки.

– Документы, – заметив это, едва не прикрикнул на меня проводник, заставив вздрогнуть.

– Не стоит, – внезапно прервал всё это Райдо и виновато улыбнулся мне. Он продолжил говорить с проводником, но при этом, не сводил с меня своего ледяного, пронизывающего взгляда. – Это моя жена и приёмные дети, всё в порядке. Мы просто пошутили. Можете быть свободны.

Замявшись, проводник всё же, слегка поклонившись ему, оставил нас.

Поезд покачивался, его встряхнуло, когда мы проезжали высокий мост над быстрой, бурлящей рекой, и стакан недопитого чая едва не опрокинулся на меня. Райдо успел поймать его и поставить на место.

Малышка, которую, пока я искала документы, взял на руки Эрик, громко заплакала и я вернула её себе, в панике укачивая.

Она наверняка голодна...

– Что ж, пройдемте в моё купе, – поднялся граф, – здесь неподходящее место для долгой дороги.

Так вот оно что, он выкупил всё купе для комфортной поездки, поэтому проводник и не взял доплату за Эрика?

Выходит, граф должен был встретиться здесь с девушкой и окончательно решить, подходит ли она ему?

Мы проехали реку. Очертания города за синей дымкой дали становились всё более размытыми, пока не исчезли вовсе, сменившись чёрно-зелёной стеной леса под снежной пушистой шапкой.

Вот я и пожила в столице...

Молча, мы с Эриком поднялись.

Граф Райдо забрал мой чемодан так непринуждённо, будто тот ничего не весил и кивком указал мне направление.

– Я пока не соглашалась ни на что, – проговорила, когда прошли до тамбура, поминутно хватаясь за поручни, и вышли в другой, более тихий и чистый вагон.

– Понимаю, – открыл Райдо передо мной дверь купе и пропустил вперёд, после чего зашёл сам и оставил чемоданы у мягких цветастых сидений. – Но сделку я предлагаю простую и, судя по всему, выгодную для вас.

Молчание.

И, будто на меня вывернули ведро ледяной воды, он небрежно добавил:

– Моя спасительница.

Я обернулась к нему, встречаясь с горящим взглядом золотых глаз.

Незрячих глаз...

Хотела бы вскрикнуть, да настрой на испуг граф сразу же сбил: досадливо цокнув, будто от боли прикрывшись ладонью.

Глубоко вздохнув и медленно выдохнув, уже спустя пару секунд он отнял руку от своего лица и взглянул на меня колким взглядом льдисто-синих глаз, изогнув бровь, словно говоря: ну же, ваша реакция, госпожа?

Но реакции не будет.

Сжав и разжав ладони в попытке собраться с мыслями и успокоить нервы, я вернула своё внимание детям и принялась укачивать малышку, устроившись с ней у окна.

Граф этим, судя по всему, был сбит с толку и присел напротив, глядя на меня уже как-то иначе, словно только сейчас восприняв всерьёз.

– Я не знаю, – прошептала в ужасе, – чем её кормить... Я вообще никогда не возилась с детьми. А ваши глаза уже видела. И мне всё равно, кто вы и что с вами, да будьте хоть самым Эстерхейзом! Я, знаете ли, сейчас тоже не безопасная девушка.

– Мм?

– Думается мне, – решила на признание, – за моим племянником может охотиться тёмный орден.

Вопреки плохим ожиданиям, Райдо на этом сделался более расслабленным (если, конечно, он просто не привык скрывать за этим тревогу).

– Раз уж обо всём прямо и без предисловий, – произнёс он задумчиво, но твёрдо: – мне нужна фиктивная жена, симпатичная, умеющая вести себя в обществе и держать язык за зубами, когда это требуется. Искал я как раз какую-нибудь бедняжку, которой в случае чего деваться будет некуда. Надеюсь, вы подходите под это описание, потому что времени выбирать у меня не осталось. Жалование предлагаю не выше, чем получают горничные, выделяю комнату в своём особняке и оплачиваю все прочие нужды.

– Отчего же такие трудности? – кое-как успокоив Тосю, одарила я графа красноречивым взглядом.

За такого любая бы согласилась пойти, фиктивно или нет...

– От того, что хочу держать это в тайне, как и жена, будучи фиктивной, не знала бы о некоторых моих, кхм, нюансах.

– Вы больны? – я больше утвердила, чем задала вопрос, однако ответ ждала с некоторым волнением.

Райдо же не спешил утолять мой интерес и долго обдумывал, как бы так ответить.

– Случилось одно происшествие, – и, предупреждая мои опасения, тут же добавил: – не в ночь нашего знакомства, раньше. После которых с заходом солнца я теряю слишком много сил... Иногда это случается и в другое время, но я способен справиться с наваждением. Ночью же... Впрочем, вы видели.

– Вы были ранены, – напомнила я тихо, успокаивающе погладив Эрика по голове, – в остальном лишь ваши глаза меня смутили.

– Ранение – ничто по сравнению с болью и слепотой... И получено оно было случайно, из-за моего друга.

– Если вы не планировали, – всё же с подозрением сузила я глаза, – открывать кому-либо свою слабость, зачем вам вообще столько сложностей и фиктивный брак?

У драконов не бывает жён... Эта мысль крутилась в моей голове с самого начала разговора.

В первый год моего пребывания в новом мире, это впечатлило меня больше всего – рассказ о том, как строятся драконьи семьи.

Неспроста ходят легенды о похищенных драконами девушках, об отданных им в жертву дев и прочем...

Магия дракона иссушает всех, кто близок к нему. Жена имеет шанс лишь подарить наследника и то если сумеет продержаться до этого часа.

Будь Райдо – графом Эстерхейзом, я решила бы, что жена нужна для прикрытия. Ведь в лицо дракона плохо знал даже сам император, в человеческом облике и без маски видя его лишь в юности.

Эстерхейз, как говорят, не любил свою человеческую личину, от того, будучи бескрылым, никому и не показывался на глаза. Люди только примерно понимали, как вычислить дракона, знали список характерных черт.

– Крис в переписке, – его красивый, спокойный голос заставил меня вздрогнуть, вырвав из размышлений, – я ответил, что сердце моё занято другой, с которой быть вместе не имею возможности. И дурочке хватило этого.

– А что ответите мне?

На этот раз граф думал недолго:

– Правду. Вы в куда более безвыходном положении, чем она... Мы почти на равных и, мало того, что полезны друг другу, так я ещё и обязан вам за спасение.

На этом Тося заплакала вновь, и Райдо пересел ко мне, спугнув тем самым Эрика, который отбежал к двери купе.

– Что-то не так с ней, – проговорил граф, напряжённо вглядываясь в малышку, – дело не в голоде... Я слышу по плачу. Можно взглянуть? – протянул он к ребёнку руки.

– Тележка со сладостями! – в этот же момент прозвучало за дверью вместе с перезвоном праздничных бубенчиков. И даже издали я услышала, как в животе у Эрика забурчало. – Не желаете, – без приглашения заглянула к нам рыжеволосая полная женщина, – взять что-нибудь к чаю?

И купе заполнилось ароматом карамели и яблочной выпечки с корицей.

– Возьми, что угодно, – небрежно бросил Райдо увесистый мешочек с монетами моему племяншке.

Эрик замер, широко распахнутыми глазами рассматривая столь невероятное богатство, так резко на него обрушившееся и не мог больше пошевелиться, будто боясь спугнуть наваждение.

– Вот, зефирные облачка на палочке есть, – засуетилась женщина, верно уловив его настрой и то, что сам Райдо, да и я заодно, не собираемся проверять, как распорядится мальчик деньгами. – Марципаны с начинкой, орешки в сахаре. Есть пироги яблочные с пряностями, есть пышные, ещё горячие булочки! И мурх-мур! Вкуснейший, во всей империи лучше не найти, слово даю.

 О, на этом даже я бросила в их сторону быстрый взгляд.

Женщина, заправив под вязаную шапочку-сетку завитую рыжую прядь волос, чтобы не мешались, звеня браслетами и металлическими бусами (в остальном, ну вылитая, стандартная, скажем так, буфетчица из моего прошлого мира!) вынула из недр тележки пергаментную бумагу для выпечки.

 Маслянистую, а от того полупрозрачную бумагу... Будто сияющую изнутри.

Точнее, почему «будто»? Мурх-мур действительно светился солнечным, тёплым светом, который исчезал, когда с него срывали упаковку. От соприкосновения с воздухом он утрачивал

свет и чем дольше находился открытым, тем неумолимее огонёк в нём угасал. Зато корочка становилась хрустящей и карамельной, а мякоть делалась белой, воздушной, словно не выпечка была, а какой-то чудный чизкейк или сладкий хлопок.

Национальное блюдо, готовящееся только в одной единственной пекарне, которое не могла повторить ни одна хозяйка на своей кухне. Ели его в праздники, использовали в обрядах и традициях. Внешне он похож был на выпечку, вроде ватрушки, только без начинки, при этом вкус мог быть карамельно-фруктовым или маковым, сливочным или солёно-сырным.

Купе вмиг наполнилось густым ароматом карамели и, почему-то, тыквенным латте...

– А молока у вас нет? – сбил Райдо всё волшебство своим безразличием к происходящему.

– Ой, вот этого нет, – покачала головой женщина и принялась помогать Эрику отсчитывать аж пять крупных монет, пока никто из нас не передумал.

Граф тем временем высвободил из тёплого свёртка ручку Тоси и едва заметно помрачнел.

От плеча и до локтя ручка была сине-лилового цвета. Я тихо вскрикнула, вмиг укоряя себя, что не заметила этого сама. И пугаясь, что, возможно, не заметила чего-нибудь ещё, да так и носила малышку на руках, скрывая от мороза, словно лишь одна только зима способна была навредить.

– Ой, – заметив это, выронил Эрик бумажный пакет со сладостями и пряной выпечкой.

– Я... Это я виноват, – тут же наполнились его глаза слезами. – Подумал, мне показалось, что ударил её, когда мама через окно передала. А не... Не, – он начал судорожно хватать ртом воздух и слова, прервавшись на сбивчивые слоги, заглушил поток слёз.

Продавщица сладостей, насторожившись, помедлила у двери.

– Позвать дознавателей? – хмуро спросила она.

Стражей порядка, то бишь. Только дознаватели ещё и имели полномочия следователей, использовать пытки, ревизоров, вмешиваться в дела, которыми занимаются в моём старом мире органы опеки. В общем, даже патрулирующие улицы стражи не вызывали ни у кого столь неприятных чувств. Если про других можно было подумать, как о защите, то дознавателей насылали на кого-то, а не звали на помощь себе. Разница есть.

– Н-не на-до, – взмолился Эрик, рукавом утирая лицо, а когда пелена слёз впиталась в рукав его курточки и он увидел рассыпавшийся по полу дорогой мурх-мур, то разрыдался с новой силой. – Прости, Кристин! Прости, – отчего-то принялся он извиняться передо мной, при этом забываясь в самый дальний от нас угол.

Я встала, качнувшись, из-за остановки поезда и, притянув мальчишку к себе, тепло обняла, зашептав:

– Ничего страшного не стряслось, тише... Я врач, как-никак, сейчас всё поправим.

– Кто-кто?! – голос продавщицы сладостей сделался едва ли не басом. – Врач? Это противозаконно. Какое же оскорбление такого важного искусства!

Я видела, как граф на этом возвёл к потолку глаза и поднялся, держа малышку так, словно всю жизнь свою только с детьми и возился.

– Законов, это запрещающих, нет, – произнёс он кротко и просто. Так, что даже жутко.

Взгляд женщины скользнул по значку императора на его кителе, и она растерянно, заискивающе заулыбалась.

– Я просто... Я, – замялась продавщица. – Испугалась за деток, вижу ведь, что непорядок.

– В моей семье? – выгнул граф чёрную, острую бровь. – Вы судите, ничего не зная, о моей, – выделил с нажимом, – семье?

– Ой, так это ваша... – женщина попятилась и уже из-за двери, перекрикивая звон бубенчиков, договорила: – Я ведь не знала, что дети ваши, простите! Доброй поездки, граф!

Он передал мне плачущую Тосю, потрепал Эрика по волосам и поднял с пола оброненные сладости, невозмутимо отправив кусочек мурх-мура себе в рот.

 – Упал ведь, – шмыгая носом, сказал Эрик скептически.

– Да и чёрти с ним, – подмигнул ему граф.

Чёрты в мире этом были вполне реальными существами. Вроде таких, какими в моей прошлой реальности представляли эльфов или дроу, уж не помню, как правильно. Вредный, но прекрасный (внешне) народ! Мало их осталось, но, в отличие от тех же магов или драконов, не из-за политических игр или какого-то не такого отношения к ним людей. Просто... так уж вышло. Нежные они, несмотря на сильную, жгучую магию. Не везде могут жить, ни с каждым ужиться, долголетие их в одночасье может дать сбой и сойти на нет от ряда событий или слишком сильного всплеска эмоций. Вот кто, например, буквально способен зачахнуть от любви...

Лишь раз встречала чёрти, жалею до сих пор, что не познакомилась, а просто прошла мимо.

Мы снова расселись по своим местам, граф заверил меня, что рука малышки просто ушиблена, но я всё равно проверила её и растёрла один из припасённых мной порошков в охлаждающую, заживляющую мазь. Пока Эрик зажимал уши от её надрывного плача.

– Больше так не могу, – поднялся граф, – ей нужно поесть. Найду молоко, разведём с водой. Раздобуду овощную кашу. Вроде в её возрасте уже можно?

И он вышел за дверь.

Эрик, проследив за ним взглядом, горестно вздохнул:

– Сбежит... Кристина, прости, но все правы – тебе замуж не выйти с твоим характером. А тут ещё мы...

Я не сдержала улыбки.

Но, тем не менее, действительно усомнилась, что граф вернётся. Ещё и остановка была недолгой... Поезд встал на последней станции этого города. И мне сделалось тревожно.

И тревожнее вдвойне, когда раньше времени вагон дёрнулся, и колёса принялись отбивать свой ритм.

А дверь купе открылась снова. Только вот перешагнул порог отнюдь не Райдо, а незнакомый, красивый мужчина с узкими, плотно сжатыми, но изогнутыми в какую-то странную, змеиную ухмылку губами.

Он, молча, сел напротив нас, не сбрасывая с головы капюшон тёмной мантии. В тонких белых пальцах комкая билет, даже не пытался смахнуть с плеч хлопья снега. А сосульки белёсых длинных волос его выглядели обледеневшими.

Эрик первым обрёл дар речи и, опережая меня, строго проговорил:

– Это не ваше место. Всё купе выкупил... – сглотнул ком в горле и выпалил, едва не зажмурившись: – Мой папа.

А мальчишка не промах растёт, однако, схватывает налету!

– И где же он? – подняв на нас тёмный, жуткий взгляд, глухо, будто голос его подхватывало эхо, спросил попутчик.

– Мы пока выйдем, пожалуй, – заторопилась я, поднимаясь, вымотанная от того, что никак не выходит успокоить малышку.

Но незнакомец внезапно перекрыл мне путь.

 – Что вам надо? – испугалась я, сама уже едва не плача, но упрямо продолжала буравить его строгим, возмущённым взглядом.

Глава 5

ялась, несмотря ни на что испытыв

– Хотел убедиться, что не потерял гра...

Жуткий попутчик договорить не успел, как в купе зашёл сам граф.

– Сандел, – протянул он, – я ведь просил тебя не появляться на людях так открыто.

Мужчина поклонился ему и отступил:

– Простите, мой господин. Вы сошли с поезда, я услышал разговоры о лекарке-жене, стало до смерти, – произнёс он так, что меня пробила дрожь, – любопытно взглянуть на вашу избранницу! И этот плач... – покривился Сандел. – Я за стеной сижу, а и то голова раскалывается.

– Так иди и сядь подальше, – отрезал Райдо, открыв перед ним дверь.

И это странное... существо подчинилось и, наконец, оставило нас.

– Поезд, – вернулся Райдо на своё место, выкладывая на столик под окном чёрную холстяную сумку, – и десяти минут не простоял в этот раз... Что удалось найти, тем и будем довольствоваться. К счастью, главное я точно приобрёл.

И он бросил на сидение рядом со мной стопку платков и льняных салфеток.

– Это не главное, – возразила я.

– Я бы поспорил, – прищурился граф и кивком указал мне на дверь. – Идите, девочки, приведите себя в порядок. Я пока сделаю одной из вас покушать, – начал вынимать он какие-то баночки (не внушающие мне доверия), – а после продолжим беседу.

– А я? – забеспокоился Эрик.

Граф поставил перед ним взявшийся невесть откуда горячий стакан с чёрным, сладким чаем.

– А ты лопай свой мурх-мур и сиди тихо.

Делать нечего, прихватив с собой «пелёнки», я отправилась по длинному светлому коридору в уборную под взгляды вышедших из соседних купе пассажиров.

Неприятно.

А тем временем поезд мчался в белую даль. Снежные шапки на еловых ветвях поредели, открывая вид на поля и кружащий рой снежинок вокруг. Красиво... Ещё и солнце при этом выглянуло на горизонте, даря земле свои последние, багрово-золотые лучи.

Темнело нынче рано.

Темнело.

Как, интересно, и что именно будет происходить с графом и можно ли ему помочь?

Не от того ли ещё он так быстро решил переиграть свои планы и взять в «жёны» меня, а не ту, с которой уже договорился? Узнал то меня, похоже, по лекарствам, а не просто по... По запаху, да.

Закрывшись в уборной, с досадой обнаружив, что там ни столика, ни подоконника, ни удобной раковины не имеется, я впервые за всё это время заплакала в голос. Правда, недолго и, спустя уже несколько минут под взгляд замолкшей от удивления Тоси, присела у двери, кладя её себе на колени, чтобы каким-то чудом изловчиться и привести в порядок.

Интересно, чем всё-таки пахла я сама, что граф раз за разом обращал на это внимание?

Неженкой никогда себя не считала, робкой тоже, и на язык я могла быть остра. Но от размышлений этих всё равно стыдливость предательски жгла кончики ушей, а гордость и упрямство не позволяло мне саму себя понюхать.

– ... лекарь, говорит, жена его, – кто-то прошёл мимо уборной, оживлённо обсуждая меня, и я прислушалась к отдаляющимся голосам.

– У графа? А что за граф?

– Не знаю. А разница какая?

– Да ни у кого из графов нет жены лекарки. Кто вообще женщине разрешение на врачебительство даст?

– Возмутительно, – вторил первый голос, бесцветный для меня, не понятно даже, мужской или женский, вплетающийся в шум от ветра снаружи и перестук колёс. – Женщин ум очень портит, они ведь только подражают образованным господам. А значит, искажают всё. А ведь красива лишь правда.

– Верно.

Странно, но именно этот, чей-то случайный разговор, вмиг напомнил мне день моего прихода в этот мир. И сердце пронзило тоской по отцу... Пусть и не кровному, но самому настоящему.

– Я врач, – прошептала тихо, тем самым будто возвращаясь в тот час, когда он нашёл меня.

Нашёл в самом неожиданном для нас обоих месте.

Это случилось в декабре, ранним утром, когда я ждала трамвай...

– Кристин, – постучали вдруг в дверь, тем самым прервав мои воспоминания.

Я обернулась и крикнула через плечо:

– Да, граф?

– Я узнал, что там совершенно неподходящее место. И вообще, – он будто кашлянул в кулак, прочищая горло, – ты плохо справляешься. Давай, помогу тебе?

– А у вас то откуда опыт? – я спешно поднялась, несмотря ни на что испытывая некое облегчение.

Ототкнув дверь, сначала с недоверием взглянула на графа через щелку, а затем вышла к нему, прижимая к себе наполовину распеленанную малышку.

Которую, к моему удивлению, у меня без спроса, уверенно и ловко забрали из рук.

– Нет опыта, – обворожительно улыбнулся Райдо.

– А Эрик, вы оставили его одного?! – успела уже испугаться я, но мальчишка виновато выглянул из-за спины графа, как бы говоря: «нет, вот он я!».

– Если опыта нет... – протянула руки, чтобы забрать племяншку обратно, но Райдо уверенно вышел с Тосей в тамбур, где как раз и имелся широкий подоконник, больше напоминающий белый стол.

Будто это не моя племянница была, а действительно его собственная дочь.

– Опыта нет, – в одну минуту справившись со всем и удобно для Тоси укутав её, повторил граф, подмигнув мне, – просто я знаю секрет.

– А?

Граф протянул мне малышку, поделившись, понизив тон:

– Главное не показывать детям, что ты их боишься...

С губ моих сорвался смешок.

– А ведь сначала вы показались мне холодным, грубым и жутким, граф.

Эрик переводил взгляд с меня на него и обратно, стоя между нами и вертя головой.

– Не показался, – отозвался Райдо, облачиваясь о подоконник, стоя к нему спиной, от чего ещё контрастнее начал выглядеть на фоне белоснежного пейзажа снаружи и тёплых всполохов огоньков в вагоне.

Волосы чёрные, кожа белая, глаза, будто из синего льда... Яркий, холодный, на фоне белой зимы и усыпанный тёплыми бликами.

Я засмотрелась, закусив губу, что со мной случалось крайне редко. И граф прекрасно понимал, какое впечатление производил, причём явно был этим крайне доволен. Что меня смутило и заставило обойти его, чтобы выйти из тамбура и направиться обратно в купе.

– Я наметал кое-чего поесть, думаю, всё будет в порядке, – открыв передо мной дверь, заверил Райдо. – А ты, – перевёл взгляд на Эрика, – лопай давай своё!

– Но вы с пола подняли, – неуверенно возразил он, всё ещё не решаясь в полной мере насладиться угощением.

Райдо взвёл к потолку глаза.

– Я ведь съел то, что мимо пакета упало. А тебе нормальные кусочки достались, ешь, малец. Он, что, – это уже адресовано было мне, – привык на пирях угощаться? Вы не выглядите богачами, уж прости за прямолинейность.

Я устроилась на своём месте и взялась за кружку со «смесью», чтобы осторожно, ложечкой напоить Тосю, поэтому ответила несколько запоздало:

– Правда ваша. Но отражаться на воспитании мальчика этому не обязательно, Эрика хорошо воспитывали. Его мать была строга с ним.

– А отец? – граф спросил с опаской, покосившись на увлечённого сладостями мальчика.

– Эрик никогда его не знал, – так же тихо ответила я, хотя и понимала, что мальчик к подобным разговорам привык и реагировать не станет. – Претендентов на эту роль много было, но никто не задержался надолго. Да и грязные слухи о моей сестре пошли ложные, от чего она и вовсе вскоре почти всех от себя отвадила. Предпочла остатки репутации сохранить, чем жить с тем, кто не по сердцу. Да и неизвестно, предлагал ли ей кто что-то серьёзное, как-никак, она не вдова, а... просто сложилось так.

Под внимательным взглядом графа, пусть говорила я не о себе, а скулы мои заалели.

– Тяжело было, конечно, сестра работала прислугой в домах богатых господ и каких-нибудь учреждений. Крутилась, как могла. Летом торговала овощами и сливами. У неё дом был свой, достался ей в наследство от бабки. Отец наш – лекарь от бога, но занимался частной практикой. Не нравилось ему работать в императорских лечебницах, а потому получал не так много, как мог бы. Я стала его помощницей, в итоге вся лавка папы с лекарствами и прочим держалась на мне. Когда он погиб от одной неведомой болезни, – здесь голос мой сел и сорвался, от чего мне пришлось сделать судорожный вдох, – вдруг нагрянули дознаватели, всё оцепили, объявили, будто он был преступником. Мол, отказался служить императору и незаконно вёл свои дела, зарабатывая лишь на себя, а не во благо наших земель. Что было совсем не так! Ну, и мне, конечно же, в наследство ничего не осталось. Описали даже нашу маленькую хижину.

– Да, – кивнул Райдо, внимательно слушая, – у нас долги не прощаются и после смерти...

– Я у знакомых жила, пока сестра не написала мне, чтобы приехала к ней. Сказала, работа есть, где мои знания пригодятся.

– Лекари обязаны служить императору, – вновь кивнул Райдо, – а тебя не обвинили ни в чём, потому что ты женщина и вряд ли твой отец мог дать тебе документ о профессии, верно?

– Угу...

– Но место в лечебнице для тебя при этом было? – догадался он.

– Да. Уж не знаю, может сестра договорилась, что буду первое время полы там мыть... Но я надеялась как-то проявить себя и устроиться работать официально, законно. Я готова отстаивать своё мастерство лекаря! Отец учил меня пять лет, и до того я успела многое узнать сама.

– Что ж, – Райдо, подложив себе под голову сумку, растянулся на полке и прикрыл веки, – понятно... А дальше?

– А не слишком ли много болтаю я одна? – выгнула бровь, будто подражаю ему.

Он, не размыкая век, ухмыльнулся, но ничего не ответил.

Зато Эрик вдруг удивил:

– Мама правда отказывала многим, но потому что им грозила опасность, а не из-за чего-то другого. Ну, мне кажется.

– О чём ты? – насторожилась я.

Эрик пожал плечиком и вздохнул, подтянув к себе коленки, чтобы упереться в них подбородком.

– Она говорила, что папа может вернуться. И что это нехорошо. Плакала недавно поэтому. Мама скрывала от меня, но я всё замечал. А после вдруг радостной ходить стала, подарки приносила в дом. Кто-то дарил ей. С соседкой делилась, смеялась, якобы кого-то опасным считала, а, оказалось, может верёвки из него вить. А после ты знаешь, что стряслось... И всё рухнуло.

– Думаешь, – отозвался граф сонно, – папаша твой?

– Не знаю...

– А мелкая, от него же?

Я с грустью взглянула на успокоившуюся в моих руках сытую малышку и едва заметно повела плечом:

– Нет, – прошептала. – У сестры с отцом Тоси всё могло бы сложиться, но он погиб от всё той же таинственной болезни, что и мой папа. Даже пожениться с Арин не успел. Что тоже, конечно, всякие слухи о ней подкрепило... Ты, – я спохватилась: – вы, как?

– Ты, – поправил граф.

– Ты... – шепнула я, улыбнувшись. – Уже солнце зашло за горизонт.

– Знаю, – отвернулся он лицом к стене. – Если что вдруг, друг мой в соседнем купе. Он из людей науки, дед его чёрти был, поэтому Сандел выглядит так, кхм, своеобразно. Но ты не бойся его. Этот старик безобиден на самом деле.

– Старик? – переспросила я с недоверием.

– Ему сто тридцать три, кажется, года...

Эрик тут же попытался посчитать на пальцах, но их не хватило, и мальчик этим остался очень впечатлён.

А за окном всё сильнее темнело, но снег будто делался синим, и сверкал, как рассыпанные по земле кристаллы хрустали. На нём отражались оранжевые квадратики окон, пока свет в вагоне не сделался приглушённым, и не осталось лишь перемигивание гирлянд.

Меня начало клонить в сон. Эрик давно уже сопел, положив голову мне на колени, а Тося, ещё раз поев молока, крепко спала на моих руках, которые я перестала чувствовать от напряжения.

Взгляд мой то и дело изучал силуэт графа.

Любопытно, спал он или нет? Почему именно ночью ему делалось плохо? Как там его рана? Зачем, всё-таки, ему фиктивная жена? Вопросы множились и роились в голове, но задам я их потом. Сейчас главное спокойно пережить ночь.

Но заснуть мне, похоже, было не суждено.

Граф слабо, едва слышно за перестуком колёс, застонал, и я поняла, что от него пышет жаром так, что воздух вокруг нагрелся, будто от печи.

– Райдо? – позвала шёпотом, чтобы не разбудить детей, но «муж» мой не ответил. – Райдо, ты в порядке? Граф... – и, запнувшись, решила проверить: – Граф Эстерхейз?

– Воды, – отозвался он слабо. – Прошу, воды...

И внутри у меня всё сжалось.

Глава 6

– Воды, – повторил он тихо, похоже, пребывая в полубреду, – пожалуйста, Эсмита, Мелиа...

Я осторожно, чтобы не разбудить, переложив мальчика со своих колен на мягкое сидение, насторожилась, помедлив.

Имена каких это девушек так самозабвенно шептал граф?

Не то, чтобы мне было до этого дело, конечно, но...

– Эль Сапфира, Рарэтта, – продолжал он, прерывисто дыша и слабея с каждым мгновением.

Здесь мне сделалось уже по-настоящему страшно за него и сочувствие заставило прикусить губу, чтобы не впустить из глаз слёзы.

Приставку «Эль» добавляли либо к имени матери, либо к имени королев.

Он звал своих близких...

Когда тебе плохо, всегда ведь зовёшь самых родных.

– Граф, – произнесла я шёпотом, открывая свой чемодан, чтобы в него положить спящую малышку. Так она не упадёт, если поезд тряхнёт, и Эрика можно не будить, чтобы помог. Им бы хорошо отоспаться, я ведь даже не знаю ещё, насколько далёкий нам предстоит путь.

– Граф, – присела рядом с ним и прохладной ладонью легонько погладила его лоб, – вам больно? Я тогда дам обезболивающее.

Ресницы его задрожали, нет-нет, да пропуская сквозь себя золотое свечение, и он подался ко мне чуть ближе, из-за чего пришлось надавить ему на плечи, заставляя лежать спокойно.

– Всё горит внутри, – выдохнул Райдо, – ты не сможешь... Просто хочется пить.

– Да, конечно, – я достала флягу из кармашка чемодана, открыла и прислонила к губам Райдо, помогая ему сделать несколько громких, жадных глотков.

Ручейки воды пролились и серебристыми нитями разбежались по его подбородку к шее, а там и за ворот кителя, застёжки которого я попыталась расстегнуть вместе с рубашкой.

На самом деле, без всякой задней мысли. Просто хотела облегчить ему дыхание, а не проверить, что там со шрамом от ранения.

А его, к слову, почти не было видно...

Невольно скользнув взглядом по идеальному, рельефному телу, кончиками пальцев проведя по гладкой, будто шёлк, коже, я ещё немного отодвинула ткань его одежды. И там, где должна была быть заклеена рана или хотя бы виднеться шрам, обнаружилось лишь лиловое, будто синяк, пятнышко.

Ни один маг не смог бы оправиться так быстро после ранения, которое я видела в первую нашу встречу! Ни один.

А вот дракон...

Он снова застонал, на этот раз так крепко и неудачно стиснув зубы, что из уголка губ сбежала струйка крови.

И я вспорхнула с места, вынула из рукава платья-пальто платок, смочила его остатками воды и положила графу на лоб.

– Эстерхейз, – прошептала, склонившись к нему, – если расскажете, почему это происходит с вами, быть может я могла бы помочь... Хотя бы попыталась! Это некая болезнь или кто-то виновен?

Он с трудом разомкнул веки, слегка успокоившись от прохлады на лбу, и направил на меня свой незрячий чарующий взгляд.

– Ты...

Сердце моё зашлось как бешеное. Я едва не отпрянула, но сдержала себя, лишь широко распахнула глаза.

– Я? Это нелепо. Как я могу быть в таком виновна?!

– Мы перешли на «ты», – проговорил он едва слышно и отвернулся от меня, мелко вздрагивая под уютное, приглушённое самой ночью: «тух-тух, тух» отбиваемое колёсами. Чувствуя себя весьма глупо, я так и осталась стоять над ним, запоздало догадавшись хотя бы с его стороны задвинуть шторку. А то, кто знает, когда следующая остановка и не заметит ли какой-нибудь человек золотого сияния глаз у раненого дракона...

А вот, что ещё интересно: будь на моём месте та неизвестная Крис... ведь он не ночевал бы с ней? Ехал бы со своим другом, правильно? Не зря ведь тот в соседнем купе.

Почему же граф теперь предпочёл остаться со мной?

Дело в доверии? Или в отчаянной надежде, что странная сирота, носящаяся с лекарствами, ему вдруг поможет? Или благородное стремление защитить девушку и детей в беде? Да только сомневаюсь, что в таком состоянии граф способен защитить хоть кого-нибудь...

Я зажгла свечу.

Ничего не поделаешь, нужно попытаться, хотя немного облегчить страдания дракона.

Язычок пламени мерцал в маленьком стеклянном сосуде с толстыми стенами, превращая его в шар света, а я перебирала пакетики и баночки с лекарствами.

Отмерить бы в точности граммы... Но действовать сейчас приходилось на глазок.

Так в небольшую костяную ступку отправились две синих таблетки с антисептиком, один антигистаминный порошок, лёгкое снотворное, противосудорожное и две капсулы обезболивающего, которое, как мне казалось, вполне должно подойти «магическим существам».

Оставалось это перетереть и заложить графу под язык, крепко накрепко закрыв ладонью ему рот.

Итого, почти все мои припасы были истрачены...

Зато смесь вышла знатная! Даже без весов я понимала это по вязкости и запаху жжёных трав, который и должен был возникнуть при правильном замесе.

Главное теперь не прикоснуться к лекарству кожей, всасываемость у него очень высокая. И, сформировав деревянной маленькой ложечкой шарик, сперва я присела возле графа и заставила его положить ко мне на колени голову. Не выдержав, провела ладонью по его чёрным волосам, пропуская их сквозь пальцы так легко, будто они были сотканы из самого ночного ветра... И когда граф не ожидал ничего дурного, отправила ложечкой лекарство ему в рот и крепко зажала полыхающие губы Эстерхейза.

– Вы должны потерпеть, вам станет лучше! – убеждала, пока он пытался отнять от себя мою руку и яростно буравил меня своим огненным взглядом.

– Мм!

– Что? – когда поняла, что он, наконец, смог проглотить эту... хорошо, признаю, адскую смесь, спросила я, вжимаясь в спинку так, словно ожидая от Райдо удара.

– Ты, – выдохнул он и утёр губы тыльной стороной ладони. – Сколько раз можно повторять?!

– Да, – настал мой черёд красноречиво закатывать глаза, – хорошо.

– Моя госпожа... – тон его сменился так резко, что я не успела перестроиться, а потому просто впала в оцепенение, когда Райдо, поймав меня за запястье, вдруг оставил обжигающий поцелуй в середине моей ладони. – Благодарю. Не уходи никуда...

– Да куда я, – улыбнулась, – из поезда-то? Ты, – решилась всё-таки на вопрос, заодно отвлекая его от дурного, – звал кого-то по именам...

– Сестёр и мать, наверное, – едва заметно нахмурился он, – не помню... Я вырос среди женщин, словно в цветнике, – теперь его губы едва заметно дрогнули в улыбке. – Мать, тётки, няньки, старшие сёстры. Я излюблен и просто непростительно избалован.

– По тебе не скажешь, – протянула задумчиво, блуждая взглядом по его лицу и фигуре, по купе, с мелькающими на стенах тенями и бликами редких огней снаружи, по раскрытому чемодану на полу, где тихо ворочалась малышка, утопая в моих платьях.

– Хорошо, если так, – отозвался Райдо. – В такой семье мальчику только два пути открываются: вырасти неженкой, или стать мужчиной, который будет заботиться обо всех дальше, как заботились они, пока был мал.

– Если осознанно выбрал второе, это достойно уважения.

– Осознанно, – кивнул Райдо, – это потом уже мир решил показать, что не зря. Силы действительно понадобились, над моей семьёй нависли тучи, полные смертоносных молний и пугающего грома...

– Расскажешь?

– Как-нибудь потом, – пообещал граф.

– Это связано с тем, что с тобой теперь происходит?

– Всё верно, – последовал кроткий и простой ответ.

И он всё-таки забылся поверхностным, но таким нужным и желанным сном.

Я гладила его влажным платком по лбу, пока не задремала тоже, укаченная песнью поезда и шелестения ветра за окном, который всё искал хотя бы крохотную шелку, чтобы забросить к нам колкие снежинки, бьющие об обивку поезда и стекло, будто хрустальной крошкой.

Начиналась буря. Но близость рассвета успокаивала...

Из дремы вывел меня Эрик, который вслед за сестрёнкой заворочался на неудобном для сна сидении.

Ощувив укол совести, что не успела даже ничего подложить ему под голову, я решилась на попытку продлить всем сон ещё хотя бы на пол часика. И начала сначала шёпотом, а затем чуть громче петь «колыбельную», точнее, единственную рождественскую песню, которую помнила. Торжественную и грустную (но от того лишь, что при её звучании душе проще видеть всё то остальное, что идёт в противовес этому торжеству...) заставляющую сердце сжиматься, а душу верить, что она способна летать.

Здесь вместо Рождества другие праздники, но не чудо ли, что отмечают их почти в те же дни, что и в моём мире?

Я тихо пела, но голос – будто перезвон колокольчиков, о которых и было написано в песне, звенел, взлетая над шумом железной дороги, завыванием ветра снаружи, чьих-то голосов вдалеке, недовольных от раннего подъёма людей. И неожиданно прозвучали подхваченные слова мои из соседнего купе голосом, явно человеку не принадлежащим.

Друг Райдо пел так, что можно было усомниться, не запись ли включили. Да только не было здесь для этого таких машин. А голос – был, то ли мужской, то ли женский, то ли детский, то ли старческий, но вытягивающий ноты совершенно, пугающий чистотой. И кто-то из другого купе подхватил мелодию флейтой. А некто другой начал распускать по вагону, будто детский весёлый смех, звон бубенчиков в такт.

И сквозь ватные снежные тучи пробился рассветный багровый луч солнца.

И граф взглянул на меня льдисто-синими глазами, полными внимания, интереса и чего-то ещё, пока не понятного мне, вплетающегося в холод его взгляда.

Он даже не думал подниматься с моих колен. И сделал это, лишь когда Тося всё-таки заплакала, требуя еды и заботы.

Он первым встал к ней и подхватил на руки, бросив мне смешливое:

– Я сам, неумеха, – и потянулся за молоком.

– Это моя племянница, не твоя, – заспорила я.

– Мне кажется, я ей нравлюсь больше, – усмехнулся граф, когда малышка перестала плакать и без капризов дала ему себя накормить. – Что это была за песня, моя госпожа?

По коже у меня пробежались мурашки, и я попыталась как-то избежать его взгляда, прикрывшись рукой, якобы смотрю в окно, на рассвет и заснеженные равнины.

– Слышала однажды, – ответила обтекаемо, хотя уже почти готова признаться ему о том, кто я и откуда. Даже хотела, чтобы случай такой мне представился.

Но графа ответ удовлетворил и он, передав малышку брату, решил выйти за горячей водой.

– Нужно выпить чаю и согреться.

– А далеко нам ехать? – спросил Эрик вдогонку.

Граф обернулся, стоя на пороге, и передёрнул плечом:

– Если нас всех не высадут на ближайшей станции из-за пурги, то ехать нам напрямик до великого и далёкого Ауренса.

И, рассмеявшись (весело, а от того зловеще, явно зная, какую реакцию всем этим вызвал) Райдо скрылся за дверью.

А мы с Эриком, который укачивал на руках сестрёнку, долго ещё смотрели друг на друга, забыв, как дышать.

– Ну, – первым пришёл в себя мой племян, – зато там точно не найдёт нас погоня...

– Точно, – не стала я спорить.

Самая дальняя точка в стране. Дальше, чем даже та глушь, из которой я приехала в столицу. Одновременно богаче и беднее всех остальных городов, ведь жителей там почти не было, а вот резиденция самого императора имела, как и внушительный замок, что до недавнего времени был давно заброшенным.

Принадлежал он раньше одному древнему роду, поговаривали даже, имеющему связь с драконами, но теперь, видимо, каким-то образом перешёл во владения Райдо. Ведь сомневаюсь, что везёт он нас в какую-нибудь хилую хижину. Мешочек с монетками вон, до сих пор у Эрика не забрал! И мальчик, конечно же, не выдержав, отдав мне малышку, принялся выстраивать из них башенки, считая и сортируя на серебряные и позолоченные. Более мелких там даже не имелось...

– А сколько туда ехать? – пока я расхаживала по купе, укачивая плачущую Тосю (нужно привести её в порядок, когда вернётся Райдо, не оставлять ведь Эрика одного), спросил мой мальчишка.

– Дней семь, – со вздохом ответила я, плохо представляя, как пережить это время в таких условиях, с ребёнком на руках.

– Зато, – вернулся граф со стаканами ароматного чая и мягкими, ещё горячими булочками, – я успею подготовить тебя ко всему. Потому что, если меня разоблачат, плохо будет всем.

– А возможно, – заглянул к нам в купе его жуткий друг, кутаясь в мантию, – вы опоздали, даже не начав.

Райдо вопросительно изогнул бровь.

– Остановка сейчас, – поезд действительно замедлялся, – и я поклясться готов, что на перроне нас встречают великие господа... Ваши знакомые, Райдо. Видимо, решили встретить вас по пути домой, в знак, кхе, уважения и расположения к вам.

По тону было ясно, что слова эти скорее являются издёвкой, и они с графом это понимают. И не ругаются лишь из-за моего с детьми здесь присутствия.

 – Мне надо знать нашу легенду и для чего вообще всё это, – выпалила я, заражаясь их недобрым настроением, – и тогда сыграю его жену! Обещаю. Я смогу.

Заверила, а сама несколько в этом не уверена. Хотя бы потому, что почти всё своё время здесь провела у приёмного отца на подхвате, уткнувшись в книги и часто ночуя в лаборатории.

Я этот мир знала лишь в теории, и то совсем чуть-чуть...

– Ладно, слушай, – начал было Райдо, но покривился от детского плача и забрал у меня Тосю. – Нет, жди, сейчас вернусь...

– А я, – вышел вслед за ним Сандел, – покараулю у входа, задержу наших господ в случае чего, как смогу.

Секунду поколебавшись, я за шкирку схватила Эрика, и мы догнали Райдо у уборной.

– Начинай вводить в курс дела, вокруг всё равно никого нет. И дай мне мою племянницу, я сама справлюсь!

– Вижу, – фыркнул граф, но спорить не стал, вместо этого демонстративно склонился над Эриком, который впопыхах шиворот навыворот пытался надеть курточку и совершенно запутался в ней. – Я помогу, – принялся Райдо приводить его в порядок, пока я закрылась, чтобы умыться малышку и хотя бы самой пригладить у зеркала волосы.

– Вот так, стоя за дверью, говорить? – уточнил граф странным тоном. Мне даже подумалось, что несколько... смущённым, а не колким, как могло показаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.